

СССР И «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ФРГ¹

А.М. Филитов

Институт всеобщей истории РАН

Статья исследует изменения во взаимном восприятии между СССР и ФРГ с середины 60-х до начала 70-х гг. XX в., которые стали предпосылкой разрядки в их взаимоотношениях. Документальной основой статьи являются фонды Архива внешней политики Российской Федерации, ранее не вводившиеся в научный оборот. Автор отмечает значение инициатив, предпринимавшихся Вилли Брандтом, – вначале на посту министра иностранных дел в 1966–1969 гг., а затем федерального канцлера – по выходу из тупика, созданного деятельностью предшествовавших руководителей внешней политики Бонна. Констатируется, что эти инициативы находили позитивный отклик с советской стороны. Определённый откат в режим конфронтации произошёл в условиях чехословацкого кризиса 1968 года («Пражская весна»), однако его влияние оказалось сравнительно кратковременным. С приходом к власти социал-либеральной коалиции в ФРГ (октябрь 1969 года) курс на разрядку приобрёл твёрдые очертания (присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия, одобрение идеи Общеευропейского совещания, начало переговоров с СССР), и процесс нормализации отношений Восток–Запад в Центральной Европе ускорился. Осложняющим его фактором были догматические установки лидеров некоторых стран «социалистического содружества» (Польши и ГДР), а также отдельных представителей советской дипломатии. В этой связи критически рассматриваются попытки форсировать курс на «разграничение» германо-германских отношений в духе идеи о «двух немецких нациях». Вместе с тем, приводятся факты противостояния этим попыткам зарождавшегося в СССР гражданского общества (эпизод с интервью советского учёного-германиста Д.Е. Мельникова журналу «Шпигель» в начале 1970 г.). Позиции сторонников разрядки в СССР и ФРГ оказались достаточно сильными, что выразилось в заключении Московского договора 12 августа 1970 г., ставшего символом советско-западногерманского взаимопонимания. Исторический опыт преодоления «образа врага» в отношениях между Советским Союзом и ФРГ имеет практическую ценность для разрешения международных конфликтов современности.

Ключевые слова: Новая восточная политика, общеевропейское совещание, Варшавский договор, переговоры об отказе от применения силы, «доктрина Ульбрихта (Гомулки)».

УДК 94, 327

Поступила в редакцию 05.05.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

¹ Статья представляет собой дополненный и переработанный текст доклада, который был представлен на международной конференции «Новая восточная политика» ФРГ и политика разрядки в период Л.И. Брежнева, 1964–1975 гг., организованной московским представительством Фонда Конрада Аденауэра (Москва, 26–28 апреля 2017 г.).

История европейской разрядки нашла отражение в значительном массиве научных трудов российских и зарубежных авторов [2, 3, 4, 5, 13, 14, 27, 23, 28, 29, 30, 31, 34, 35]. Вместе с тем тот аспект процесса, который касается советско-западногерманских отношений, в частности, генезиса Московского договора между СССР и ФРГ, подписанного 12 августа 1970 г., изучен ещё недостаточно; соответствующие исследования проводились в основном на основании опубликованных официальных документов, интервью и материалов СМИ [1, 8, 9, 10, 11, 12, 22, 26, 33]. Единственная статья на данную тему с привлечением российских архивных первоисточников появилась почти два десятилетия тому назад, причём в ней рассмотрен лишь заключительный этап переговоров, предшествовавших заключению этого договора [21]. В какой-то мере это характерно и для имеющихся мемуарных работ [6, 7, 16, 20, 23]. Цель данной статьи – дать более глубокий срез истории разрядки в Европе в целом и отношений СССР – ФРГ в частности. Она продолжает цикл работ автора по германскому вопросу в 60-70-х гг. XX в. [17, 18, 25].

Первая известная нам плановая разработка по европейским делам брежневского периода² содержала весьма широкую программу инициатив по улучшению международного климата. Она представляла собой также и заявку на пересмотр некоторых сложившихся штампов. В ней, в частности, была представлена новая и позитивная в целом оценка европейской интеграции в её голлистском варианте (при неизменно резко критическом отношении к НАТО), давались достаточно комплиментарные оценки политики ряда европейских государств (прежде всего, Франции, но также Англии, Италии, Бельгии и др., включая даже Турцию). Однако в отношении западногерманского государства использовалась исключительно чёрная краска. Характерные примеры: «...Становится всё более определённым блокирование США и ФРГ, которое, естественно, рассматривается не только как угрожающее интересам СССР, но и интересам других европейских стран, прежде всего, Франции и Англии». ФРГ получает характеристику «реваншистского союзника США», а заслугой советской дипломатии названо то, что ей удалось «усилить внешнеполитическую изоляцию ФРГ» (подчёркнуто в тексте – А.Ф.). Доказательств всех этих положений не приводилось, но этого и не требовалось; речь шла не о научном трактате, а о политическом месседже, и он был очевиден: со всеми государствами можно наладить диалог и вовлечь их в общеевропейское сотрудничество (включая даже США, хотя и в ограниченных рамках), но только не с ФРГ.

Эта пессимистическая оценка имела под собой определённую объективную основу. Ровно за месяц до появления упомянутой разработки состоялся визит в СССР статс-секретаря МИД ФРГ К. Карстенса, официально приуроченный

² Некоторые соображения по вопросам европейской безопасности // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 0757. Оп. 10. П. 43. Д. 10. Лл. 36–42. Документ не подписан, на первой странице – виза заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова: «обсудить на замах» (т.е. на совещании заместителей министра) и дата – 18 октября 1965 г.

к открытию международной выставки по химии. Однако из предшествующей визиту переписки, в которой западногерманская сторона усиленно добивалась встреч с советской стороной на максимально высоком уровне, можно было предположить, что речь пойдёт о серьёзных переговорах на какой-то новой основе. Этого не случилось: Карстенс попросту повторил старые установки западногерманской политики (в частности, намерение участвовать в ядерных силах НАТО и отказ признать существование другого германского государства). Новым было, пожалуй, только предложение циничной сделки: пусть СССР изменит своё отношение к проблеме воссоединения, т.е. «сдаст» ГДР, и тогда ФРГ откажется от ядерного оружия и даже пересмотрит решение о запрете коммунистической партии. Ни о каком сближении позиций на такой основе не могло быть и речи, о чём советский собеседник и сообщил западногерманскому визитёру³. Тем не менее, вернувшись в Бонн, Карстенс на встрече с советским послом А.А. Смирновым почти слово в слово повторил сказанное им в Москве и пытался создать впечатление, что его позиция – это последнее слово западногерманской политики и никаких подвижек от неё в сторону компромисса не будет⁴.

Таких подвижек по существу не обнаружилось и в «мирной ноте» правительства ФРГ от 25 марта 1966 г., где декларировалась готовность обменяться заявлениями об отказе от применения силы со всеми государствами Европы, кроме ГДР. Как писал будущий канцлер Гельмут Шмидт, «для правящих тогда в Бонне партий ХДС и ХСС было ещё трудно смело взглянуть на факт существования утвердившейся ГДР» [цит. по: 19, с. 130–131]. Впрочем, учитывая, что, как пишет тот же Шмидт, разработка ноты проходила при участии социал-демократов Фрица Эрлера и Герберта Венера, упрёк надо адресовать и им.

1 декабря 1966 г. в ФРГ было образовано правительство «большой коалиции» во главе с Куртом-Георгом Кизингером, в котором пост вице-канцлера и министра иностранных дел занял лидер СДПГ Вилли Брандт. 7 февраля 1967 г. новый статс-секретарь МИД ФРГ Клаус Шютц вручил советскому послу С.К. Царапкину проект двустороннего заявления о неприменении силы. В записке министра иностранных дел А.А. Громыко, адресованной ЦК КПСС, этот документ был охарактеризован как «неприемлемый», направленный на «подрыв позиций ГДР и расшатывание сплочённости социалистических стран». В записке отмечалось также, что данный проект «связан с проводимым с октября 1966 г. по инициативе ФРГ неофициальным обменом мнениями между МИД ФРГ и советской стороной относительно ноты от 25.3.1966 г.»⁵. Эта информация примечательна по крайней мере в двух отношениях. Она свидетельствует, во-первых, о том, что советская сторона, при всём отрицательном отношении к «мирной ноте», не отказалась принять её как базу для дискуссии, а во-вторых,

³ Из дневника В.В. Кузнецова. Запись беседы со статс-секретарём МИД ФРГ Карстенсом 22 сентября 1965 г.// АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 10. П. 42. Д. 4. Лл. 13–43.

⁴ Из дневника А.А. Смирнова. Запись беседы со статс-секретарём Карстенсом, состоявшейся 1 октября 1965 г.// АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 10. П. 42. Д. 6. Лл. 31–34.

⁵ А.А. Громыко – ЦК КПСС. 5 марта 1967 г.// АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 6.

что инициатива к началу этой дискуссии последовала с западногерманской стороны ещё до смены правительственной команды в Бонне.

Что касается крайне жёсткой оценки этой инициативы, то её можно считать определённой реакцией на «румынский гамбит» Брандта – последовавшее за неделю до этого, 31 января 1967 г., установление дипломатических отношений ФРГ с той страной «социалистического лагеря», которая в наибольшей степени демонстрировала свою «независимость» от СССР и свою особую позицию по многим международным вопросам, отклонявшуюся от общей линии государств Варшавского договора. Таким образом, «новая восточная политика» Брандта поначалу выразилась в явной попытке путём выборочного отказа от «доктрины Хальштейна» (которая предусматривала запрет на установление или поддержание дипломатических отношений с любой страной, устанавливающей или поддерживающей такие отношения с ГДР) стимулировать центробежные тенденции в «восточном блоке». Приведённая выше оценка этой политики в записке Громыко показывала, что с советской стороны вполне осознавали эту её направленность. Опасность возможного повторения «румынского сценария» была, по крайней мере, временно купирована решениями Варшавского совещания министров иностранных дел ОВД (8-10 февраля 1967 г.) и конференции коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах (24-26 апреля того же года), когда была принята «доктрина Ульбрихта» (или, как считает польская исследовательница Ванда Яжомбек⁶, «доктрина Гомулки» [34]), согласно которой дальнейшие сепаратные действия государств-членов ОВД в отношении ФРГ воспрещались. Проблема поисков коллективного конструктивного ответа на боннское предложение о неприменении силы, однако, оставалась, став предметом интенсивной дискуссии между союзниками по ОВД. Поначалу она проходила в рамках консультаций между внешнеполитическими ведомствами СССР и Польши.

В порядке подготовки к этим консультациям Четвертый Европейский отдел МИД СССР (занимавшийся советско-польскими отношениями) подготовил справку, основной посыл которой сводился к следующему: польская сторона «придерживается линии, разделявшейся до сих пор другими участниками Варшавского договора (подчёркнуто в тексте, против этих слов на полях стоит знак вопроса – А.Ф.), о том, что принцип неприменения силы должен быть закреплён особым договором, заключённым между европейскими государствами в предположении, что непременными участниками такого договора будут оба германских государства – ФРГ и ГДР. Таким образом, ПНР, придерживаясь согласованной между социалистическими странами позиции, считает, что вопрос об отказе от применения силы может получить своё решение *только* (курсив наш – А.Ф.) на основе общеевропейского договора»⁷. Здесь

⁶ Примечательно, что именно лидеры этих двух государств ОВД проявляли наибольшую обеспокоенность тогдашней политикой Брандта.

⁷ О позиции Польши в вопросе о неприменении силы во взаимоотношениях между европейскими государствами, 22 мая 1967 г. // АВР РФ. Ф. 0757. Оп.12. П. 49. Д. 12. Л. 32–35 (цитата на л. 35).

следует отметить, что идея разработки «общеевропейского договора» была одной из основных в упоминавшейся выше записке МИД СССР от 18 октября 1965 г., причём там же отмечалось, что инициатива к созыву «конференции по европейской безопасности» для выработки такого договора принадлежала польской стороне⁸. В той же записке намечались и другие меры по решению проблем европейской безопасности. Как следует из приведённой записки Четвёртого Европейского отдела, специфика польской позиции в отношении общеевропейского совещания и общеевропейского договора заключалась в том, что соответствующие инициативы рассматривались как единственный и безальтернативный вариант решения европейской и германской проблем. Пометки же на документе свидетельствуют о сомнениях по поводу корректности этой позиции и трактовки её как отражающей общее мнение стран-участников ОВД.

Запись беседы министров иностранных дел СССР и ПНР Громыко и Рапацкого от 27 мая 1967 г.⁹ свидетельствует, что польский собеседник изложил свои взгляды с меньшей категоричностью, сформулировав их в виде вопроса: что предпочтительнее – двусторонние договорённости с ФРГ или общеевропейский договор? В своём ответе Громыко достаточно чётко определил советскую точку зрения: «Это не конкурирующие предложения, а дополняющие друг друга. Конечно, было бы хорошо, если бы имели общеевропейский договор с участием ГДР и ФРГ. Но известно, какие трудности стоят на этом пути. Проанализируем другие возможности. Например, достижение договора ФРГ с ГДР плюс договоры ФРГ с другими социалистическими странами. Это не подрывает идеи общеевропейского договора». Удовлетворил ли Рапацкого такой ответ? Судя по записи беседы, не вполне. Хотя Громыко ясно дал понять, что СССР не собирается монополизировать дело налаживания отношений с Бонном, но польский собеседник усомнился в этом, заявив: «Я понимаю так, что переговоры с ФРГ будет проводить только одна страна – Советский Союз». Громыко рассеял эти сомнения: «На этой стадии они обратились к нам. Но у нас и в мыслях не было вести переговоры за всех». Тем не менее, на протяжении дальнейшей беседы польский министр неоднократно возвращался к теме общеевропейского договора как приоритетной цели: мол, не надо преувеличивать «трудности» на пути к нему и не надо преуменьшать опасностей, которыми чреваты двусторонние контакты. Позиция не вполне логичная, учитывая то фиаско польской дипломатии, о котором сам Рапацкий сообщил Громыко: была предпринята попытка обсудить «идею заключения общеевропейского договора» с Англией, но из этого ничего не вышло¹⁰.

⁸ Она была впервые сформулирована в выступлении министра иностранных дел ПНР А. Рапацкого на XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1964 г. и была поддержана Политическим консультативным комитетом Варшавского договора в январе 1965 г. [13, с. 21].

⁹ Запись беседы т. А.А. Громыко с министром иностранных дел ПНР т. Рапацким, состоявшейся в Москве 27 мая 1967 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 43–58.

¹⁰ Там же. Лл. 46, 53.

Между тем Бонн выступил с новой инициативой, конкретизировав свои представления о будущем Европы. 16 июня 1967 г. послу СССР в ФРГ С.К. Царапкину была вручена памятная записка, содержащая в себе перечень из 13 вопросов, которые могли бы стать, по мнению западногерманской стороны, предметом обсуждения между СССР и ФРГ¹¹. Эти «вопросы», сгруппированные в три раздела (двусторонние отношения, отношения между Востоком и Западом, европейская безопасность), представляли собой, по сути, программу широкого сотрудничества между обеими странами. Предлагалось расширение контингента товаров в торговле, совместные инвестиции в третьи страны, объединение исследований в области ядерной энергетики, установление прямого воздушного сообщения, налаживание взаимодействия органов юстиции обеих стран в преследовании нацистских преступников. В отношении ГДР (название второго германского государства давалось без привычных кавычек) выдвигалась формула «урегулированного совместного существования обеих частей Германии таким образом, чтобы ни одна из сторон не требовала отказа другой стороны от её политических целей». Что касается проблем международной безопасности, то впервые столь чётко выражалась заинтересованность ФРГ в заключении договора о нераспространении ядерного оружия. Вместе с тем довольно невнятно формулировалась позиция ФРГ в отношении европейских границ (пункт №7 программы), а само значение документа несколько снижалось оговоркой Брандта о его «неофициальном» характере. В целом, однако, речь шла о серьёзных подвижках в сторону от принятого в Бонне «образа врага», что диктовало возможность и необходимость ответных шагов с советской стороны. В частности, одним из таких шагов можно считать предложение начать переговоры об открытии воздушного сообщения между СССР и ФРГ. Оно последовало 15 августа 1967 г. как прямой отклик на соответствующий пункт в меморандуме Брандта, полученном двумя месяцами ранее. Соответственно, более явными стали критические оценки в отношении негибкой позиции партнёров СССР по ОВД. Характерно в этом плане высказывание обычно крайне сдержанного советского министра иностранных дел: «Нельзя исключать, что польские друзья ... не хотят вообще, чтобы в настоящих условиях состоялись переговоры социалистических стран с ФРГ»¹².

В августе – сентябре 1967 г. прошли трёхсторонние консультации между представителями министерств иностранных дел СССР, ПНР и ГДР по вопросам европейской безопасности. Вновь встал вопрос об общеевропейском договоре о неприменении силы как альтернативе двусторонним договорённостям с ФРГ. Советский представитель, заместитель министра иностранных дел Л.Ф. Ильичёв отметил, что для обсуждения этого вопроса «условия международной обстановки сейчас неподходящие», упомянув в этом контексте американскую агрессию во Вьетнаме. «Тем не менее, – продолжил он, – мы не снимаем это

¹¹ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 126–128.

¹² А.А. Громыко – ЦК КПСС. 27 июля 1967 г. // АВП РФ Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Л. 65.

предложение, а лишь не форсируем его в настоящее время»¹³. Участников второго тура консультаций, состоявшегося в Берлине, принял Вальтер Ульбрихт – «первое лицо» в ГДР. Проблема общеевропейского договора не затрагивалась, зато Ульбрихт весьма раздражённо прокомментировал перспективу двусторонних контактов СССР и ФРГ: «Если по вопросу, непосредственно затрагивающему жизненные интересы ГДР, будет первым говорить Советский Союз, то у населения может сложиться впечатление, что за ГДР выступает СССР. Это, несомненно, осложнит нашу борьбу с национализмом»¹⁴. Дипломатический этикет не позволил советскому дипломату (это был В.С. Семёнов) возразить Ульбрихту. Между тем аргументов против этого высказывания было более чем достаточно. В ходе контактов с ФРГ советская сторона последовательно отстаивала права и интересы ГДР, и это приносило свои плоды.

12 октября того же года западногерманской стороне был вручён советский документ, в котором содержалось положение о необходимости включения ГДР в переговорный процесс, а 21 ноября – советский проект заявлений о неприменении силы, явившийся ответом на ранее внесённые западногерманские проекты. На состоявшейся тогда же встрече советского посла с Брандтом, Баром и Фердинандом Дуквицем (заведующим отделом МИД ФРГ, занимавшимся «востоком») западногерманский министр иностранных дел поначалу в отношении ГДР и ФРГ употребил формулу «две германских области», но затем внёс характерное добавление: «или, если хотите, два германских государства»¹⁵. Публично о «двух германских государствах» Брандт высказался, уже будучи канцлером – почти два года спустя.

Чем же была вызвана такая задержка в политике разрядки? Обычный ответ – событиями в Чехословакии. Ответ верный, но нуждающийся в уточнении: какие именно события имеются в виду – те, что связаны с вооружённой акцией пяти стран ОВД в августе 1968 г., или те, что им предшествовали? Можно считать парадоксом то обстоятельство, что торможение разрядки в отношениях СССР – ФРГ и даже обратный ход в этом процессе начались и достигли своей кульминации в период до упомянутой акции. Тогда сразу же после неё (и не будет натяжкой сказать – в результате неё) произошло быстрое восстановление этих отношений, подготовившее почву для того прорыва в них, которым стал Московский договор 12 августа 1970 г.

Чем объяснялся этот парадокс?

Вернёмся к дате 21 ноября 1967 г. Брандт высказал тогда среди прочего мысль, весьма импониравшую советской стороне: «было бы нецелесообразно, чтобы официальные переговоры между ФРГ и странами-участницами Варшавского договора состоялись до того, как такие переговоры начнутся между

¹³ Протокольная запись консультаций между делегациями МИД СССР и МИД ПНР 31 августа и 1 сентября 1967 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Лл. 136–146 (цитата на л. 139).

¹⁴ Протокольная запись консультаций между делегациями МИД СССР, МИД ПНР и МИД ГДР 14–15 сентября 1967 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Лл. 99–120 (цитата на л. 107).

¹⁵ Там же. Л. 148.

ФРГ и СССР». Воспринято это было как некая гарантия против повторения «румынского сценария». Между тем, в Чехословакии всё явно шло именно в этом направлении, вызывая нечто вроде «кризиса доверия» в отношении советского руководства к западногерманскому партнёру. В данном случае не столь важно, какова была реальная роль ФРГ в дрейфе деятелей «пражской весны» к упомянутому сценарию, без преувеличения, тревожному с точки зрения советского руководства. Определённые действия западногерманских политиков, особенно социал-демократов, действительно можно было рассматривать как вмешательство во внутренние дела ЧССР и даже как провоцировавшие советское вмешательство [29]. В тех условиях с советской стороны был предпринят ряд политических и пропагандистских мероприятий, которые означали возврат к модели жёсткой конфронтации в двусторонних отношениях (предание гласности переписки по поводу проблемы неприменения силы, что означало по существу отказ от её продолжения¹⁶, кампания в прессе, достигшая максимума публикацией «разоблачительной» статьи Эрнста Генри «Какую “новую политику” придумал Бонн»¹⁷). Соответствующая реакция последовала и со стороны ФРГ.

Всё изменилось после 21 августа. Обвинения в советских СМИ по поводу западного вмешательства продолжились, но наметился любопытный нюанс: мишенью их всё больше оказывалась не ФРГ, а Австрия. Что же касается ФРГ, то её официальная реакция (в отличие от реакции общественности) оказалась на удивление мягкой. В целом, это отражало общую тенденцию на Западе. В кругах НАТО рассматривалась возможность «наказать» страны-участники акции ОВД введением санкций, и даже были приняты соответствующие рекомендации, впрочем, довольно ограниченного характера: снижение возможностей получения кредитов, отказ от участия в торговых ярмарках в этих странах, замораживание некоторых гуманитарных проектов. Однако, как сокрушённо констатировалось в меморандуме ЦРУ от 21 января 1969 г., «мало кто из союзников обнаружил готовность уменьшить торговые или культурные связи с вторгнувшейся “пятеркой”», соответствующие «обещания были скоро забыты»¹⁸. В документе приводился показательный пример: участвовать в Пловдивской ярмарке (самой близкой по времени после 20 августа) отказались только США и Греция, бывшая тогда под властью «чёрных полковников».

Специфика позиции ФРГ была в том, что она не только не присоединилась к санкциям, но и поспешила активизировать контакты с СССР на разных уровнях и направлениях – от визита в Москву делегации людвигсбургского Ведомства по розыску и преследованию нацистских преступников до размораживания переговоров по авиационному сообщению [25]. Всё это выглядело так, будто западногерманская сторона признала свои «грехи» и «раскаялась» в них, предлагая вернуться к повестке, сформулированной в меморандуме от 16 июня 1967 г. и в

¹⁶ Известия, 11, 12, 13 июля 1968 г.

¹⁷ Известия, 14 августа 1968 г.

¹⁸ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1969–1976. Vol. XLI, p. 2.

ходе беседы 21 ноября того же года. С советской стороны эта линия поведения Бонна была с удовлетворением принята к сведению, что отразилось, в частности, в тоне и характере беседы Брандта с Громыко на полях сессии Генеральной ассамблеи ООН 8 октября 1968 г.

Следует сказать, что примерно тот же мотив «раскаяния», или во всяком случае, признания прежних ошибок был характерен и для новой администрации США, пришедшей к власти после выборов в ноябре 1968 г. Только что занявший пост советника президента по национальной безопасности Г. Киссинджер следующим образом изложил её курс советскому послу в Вашингтоне А.Ф. Добрынину: «Президент Никсон согласен с советским правительством, что не следует менять основ послевоенного устройства в Европе... Он, президент, хотел бы заверить советское правительство, что он, например, совсем не собирается вмешиваться в дела Восточной Европы. Вы от нас не услышите никаких заявлений о необходимости “освобождения” Восточной Европы от Советского Союза, и мы, видимо, бросим употреблять даже такие выражения, как “строительство мостов”, т.к. мы понимаем реальную обстановку»¹⁹ [19, с. 27]. По сути, речь шла о косвенном признании «доктрины Брежнева» – в смысле признания определяющей роли Советского Союза в «восточном блоке» и бесплодности попыток «вбивания клиньев» между ним и входящими в него государствами-членами. Опять-таки специфика ФРГ заключалась в том, что там это поняли быстрее и активнее стали претворять это понимание в реальную политику. Обычно этот феномен связывают с именами Брандта, Эгона Бара и других представителей западногерманской социал-демократии. Однако этим идеям были не чужды и представители консервативных кругов. Характерно в этом отношении высказывание председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Райнера Барцеля в беседе с советским послом 2 июля 1969 г.: «...Западногерманская сторона не хотела бы развивать диалог с Польшей, если бы это вызвало недовольство и подозрения со стороны Советского Союза, как это бывало в некоторых случаях в прошлом». Посол внёс в запись беседы собственный комментарий, точно отражающий недосказанную мысль собеседника: «намёк на Румынию»²⁰. По сути, он услышал от Барцеля то же самое «гарантийное» обещание, которое дал ему Брандт в ноябре позапрошлого года.

Разумеется, обещания имеют ценность, когда они подкрепляются определёнными инициативами или поддержкой инициатив другой стороны. В этом отношении позиции ХДС/ХСС обнаруживали явную слабость. В ходе той же беседы 2 июля 1969 г. Р. Барцель, как следует из советской её записи, заявил о «скептическом отношении» к идее общеевропейского совещания и «стремился обойти вопрос о позиции ФРГ в отношении договора о нераспространении ядерного оружия». Между тем, оба этих вопроса принадлежали к essentials советской политической повестки. В этом отношении Брандт и Бар проявляли го-

¹⁹ Беседа состоялась 21 февраля 1969 г.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 14. П. 53. Д. 6. Л. 6.

раздо больше усилий к поиску общих позиций с советской стороны, которая отвечала на это взаимностью. Со стороны ГДР в адрес советского руководства шли мрачные предупреждения о том, что «под красиво звучащим наименованием “новой восточной политики” правые лидеры социал-демократии поддерживают экспансионистскую политику западногерманского империализма», а «заверения господина Брандта о том, что он готов на переговоры и достижение взаимопонимания в вопросе об урегулированном сосуществовании с ГДР, представляют собой не более чем обманный манёвр», и что «возможные ссылки на то, что имеются существенные различия между ХДС/ХСС и СДП, которые могут быть использованы в политике, противоречат реальному положению дел»²¹. В то же время советское руководство выступило с прямо противоположной установкой: говорилось о намерении установить взаимодействие с СДПГ и СДП с целью «подрыва позиций ХДС/ХСС и недопущения неонацистов в бундестаг»²². Одним из элементов реализации этой программы стала нота Советского правительства от 12 сентября 1969 г., в которой выражалась готовность возобновить переговоры о неприменении силы – причём без всяких предварительных условий, что было явным отступлением от «доктрины Ульбрихта» (или Гомулки).

Трудно сказать, повлиял ли этот демарш на результаты выборов и последовавшее образование социал-либеральной коалиции. Как бы то ни было, высказывания нового канцлера в беседе с совпослом, состоявшейся 28 октября 1969 г., сразу же после оглашения правительственной программы, внушали определённый оптимизм. Приведём несколько выдержек из советской записи беседы: «...1) Нераспространение ядерного оружия. Мы, сказал Брандт, разрабатываем сейчас решение по этому вопросу... Мы считаем, продолжал Брандт, что нет смысла затягивать решение вопроса о подписании ФРГ договора о нераспространении ядерного оружия... 2) Подготовка Общевропейского совещания. Брандт напомнил, что сегодня в своём заявлении в бундестаге он подтвердил ответ на финскую инициативу по поводу Совещания, направленный в Хельсинки ещё до выборов. В ходе предвыборной кампании «с разных сторон» (имеется в виду ХДС/ХСС) высказывались сомнения относительно этого шага Брандта как министра иностранных дел. Поэтому с целью устранения каких-либо разнотолков он подтвердил позицию ФРГ... Канцлер высказался за то, чтобы были продолжены контакты с советской стороной по вопросу о подготовке Общевропейского совещания 3) Развитие отношений между СССР и ФРГ. Брандт повторил, что западногерманская сторона в ближайшее время ответит на советскую памятную записку от 12 сентября с.г. по вопросу о неприменении силы. Будет выражено согласие начать переговоры в Москве. В правительственном заявлении говорилось также о намерении вести разговоры с Польшей, о желательности которых упоминалось в известном выступлении В. Гомулки в мае с.г.

²¹ В. Ульбрихт – ЦК КПСС, 21 апреля 1969 г. // Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (SAPMO-BA). DY 30/3525. Bl. 136, 139, 140.

²² ЦК КПСС–ЦК СЕПГ, 26 июля 1969 г. // SAPMO-BA, DY 30/3525, Bl. 217–221.

Правительство ФРГ готово также вести переговоры и с ГДР по вопросам, представляющим взаимный интерес. Однако, подчеркнул Брандт, *как по времени, так и по содержанию на первом месте стоят переговоры с Советским Союзом, хотя сегодня в бундестаге он сознательно говорил о переговорах с Польшей и ГДР*» (курсив наш – А.Ф.)²³.

Ровно через месяц после этого разговора, 28 ноября 1969 г., было объявлено о присоединении ФРГ к договору о нераспространении ядерного оружия. Это означало, что на этот раз намерения и обещания со стороны Бонна становятся реальностью, что, в свою очередь, диктовало выработку оперативной реакции на неё со стороны государств ОВД. Начало этому процессу было положено на совещании руководителей стран-участниц Варшавского договора, состоявшемся в Москве 2–3 декабря 1969 г. В ходе его выявились серьёзные разногласия между участниками, причём особенно острый конфликт наметился между представителями ГДР и Польши. О советской озабоченности этим конфликтом и о его характере идёт речь в совместной записке председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова, министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и секретарей ЦК КПСС К.Ф. Катушева и К.В. Русакова от 1 апреля 1970 г.²⁴. В записке констатируется, что в отношениях между руководителями ГДР и Польши имеет место «тенденция подозрительности и недоверия..., особенно заметная в том, что каждая из сторон считает связи и контакты другой стороны с Западной Германией опасными и наносящими ущерб её интересам». В качестве примера приводится описание хода обсуждения проекта договора о нормализации отношений между двумя германскими государствами, который был разработан ГДР: «польские друзья» посчитали, что «включённые в него положения, касающиеся границы Одер–Нейсе, ставят под сомнение окончательный характер этой границы» (на том основании, что «срок действия договора определён в 10 лет»), а «в свою очередь, руководители ГДР неоднократно выражали беспокойство выступлением В. Гомулки от 17 мая 1969 г., в котором ФРГ было предложено заключить договор об окончательном признании Бонном границы по Одере–Нейсе. Немецкие товарищи расценили эту инициативу как прецедент для «расшнуровывания» пакета согласованных требований социалистических стран к Западной Германии. Эти предложения, по мнению т. Ульбрихта, обесценивают Згожецкий договор 1950 г. об установлении государственной границы между ГДР и ПНР. Немецкие друзья обращают внимание на то, что польская инициатива была предпринята без предварительных консультаций с братскими социалистическими странами». Позиция авторов записки свидетельствует об их стремлении сгладить конфликтную ситуацию: «...мнение польских друзей едва ли обоснованно», «в такой реакции немецких товарищей есть элемент преувели-

²³ Из дневника С.К. Царапкина. 3 ноября 1969 г. Запись беседы с федеральным канцлером В. Брандтом 28 октября 1969 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 14. П. 53. Д. 6. Л. 144–145.

²⁴ О некоторых актуальных вопросах сотрудничества СССР с ПНР и ГДР. 1 апреля 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 95. Д. 17. Лл. 31–34.

чения». В тексте официального обращения председателя Государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта к президенту ФРГ Густаву Хайнеманну от 19 декабря 1969 г. формулировка о 10-летнем сроке действия предложенного договора осталась, и на этом основании можно было бы считать, что победила немецкая точка зрения. Однако другой документ, где более подробно описываются перипетии обсуждения данного проекта, рисует совсем иную картину. Указывается, что «подготовленный немецкой стороной проект договора подвергся серьёзной доработке». Их суть: «в преамбуле снято упоминание о “государствах немецкой нации”» (в окончательном варианте говорится просто о «двух германских государствах»), во вторую статью «включено конкретное упоминание границ между ГДР и ФРГ, а также по Одере–Нейсе», в пятой статье формулировалось требование установления дипломатических отношений и обмена послами между обоими государствами (чего опять-таки не было в исходном тексте) и, наконец, добавлена новая, седьмая статья об «уважении статуса Западного Берлина как самостоятельной политической единицы»²⁵. Нетрудно заметить, что если первоначальный вариант проекта ГДР шёл достаточно далеко навстречу позиции западногерманского партнёра (канцлер ФРГ В. Брандт в первом правительственном заявлении нового правительства социал-либеральной коалиции, признав факт существования двух германских государств, одновременно подчеркнул их принадлежность к одной нации и «особый» характер их отношений), то «доработанный» текст, напротив, подчёркивал различия в точках зрения сторон. Разумеется, проект в таком виде не мог быть принят другой стороной даже в качестве базы для дискуссии.

Национальный вопрос занял значительное место в советско-западногерманских и германо-германских дискуссиях по поводу нормализации взаимных отношений. Линия раздела между теми, кто признавал наличие проблемы восстановления единства Германии, и теми, кто считал эту проблему закрытой, проходила не только и не столько между государствами, сколько между различными представителями политического класса внутри каждого из них. Для «первого лица» ГДР, Ульбрихта, была характерна весьма извилистая траектория взглядов и представлений на этот счёт: крайняя конфронтационность в отношении ФРГ (в переписке с Брежневым в мае–июне 1969 г.) сменилась установкой на далеко идущие уступки (в выдвижении проекта договора с ФРГ на совещании ОВД в декабре 1969 г.), затем – снова абсолютное отрицание всякой общности с ФРГ (в беседе с Громыко в феврале 1970 г. он выступает даже против формулировки о «двух германских государствах», считая это непозволительной уступкой Бонну) и, наконец, неожиданное выступление в пользу «третьего раунда» переговоров с Брандтом (после двух неудачных «раундов» в Эрфурте и Касселе), которое вызвало настоящий кризис в Политбюро СЕПГ и обострение отношений с Москвой [см. подробнее 5]. Что касается СССР, то здесь можно

²⁵ О согласовании с немецкими друзьями проекта договора об установлении равноправных отношений между ГДР и ФРГ, 7 января 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 95. Д. 19. Л. 1.

говорить о более или менее чётко обозначенном и постоянном противостоянии между сторонниками жёсткой идеи о «двух немецких нациях» типа В.С. Семёнова (долгое время возглавлявшего «германское направление» в МИД, но в начале 1970 г. получившего назначение главы делегации на советско-американских переговорах по ОСВ-1) и Петра Абраимова (посол СССР в ГДР в 1962–1971 гг.), с одной стороны, и сторонниками более гибкого направления, с другой, наиболее ярким представителем которого был В.М. Фалин, занимавший в 1968–1971 гг. пост заведующего Третьим Европейским отделом МИД СССР.

Догматиков из руководства «друзей» и советского посла объединяло упорное муссирование темы о необходимости форсированного «размежевания» двух германских государств. В своих депешах Абраимов буквально бомбардировал центр паническими сообщениями о сохранении «общегерманских иллюзий» и зловредном влиянии социал-демократической идеологии не только на население, но и на властные структуры и законотворчество ГДР. Видимо, не найдя должной поддержки от своего непосредственного начальника Фалина, в одном случае он направил очередное «разоблачительное» послание с припиской «Только лично» напрямую министру А.А. Громыко. Реакции со стороны адресата не последовало: послание без комментария было спущено в тот же Третий Европейский отдел²⁶.

Автор обнаружил только один пример реакции министра на реляции такого рода. Речь идёт об эпизоде, начавшемся с телеграммы Абраимова по ВЧ от 21 января 1970 г. в два адреса – Фалину и Громыко, где посол выражал своё возмущение содержанием интервью, которое дал журналу «Шпигель» известный советский германист Д.Е. Мельников. В чём же состояла «вина» последнего? Он, оказывается, «не только не отклонил утверждения корреспондента «Шпигеля» о якобы «особом» характере отношений между ГДР и ФРГ, но и по существу подтвердил их. Так, на вопрос, может ли существовать между ФРГ и ГДР более тесное сотрудничество, чем между государствами различных наций, т. Мельников ответил утвердительно и сказал, что такие отношения могут существовать между двумя государствами в области культуры, науки, а также и в экономике. Нельзя признать правильным и высказывание т. Мельникова, что вопрос о характере дипломатических отношений между ГДР и ФРГ имеет будто бы «второстепенное» значение, и потому неважно, какими представителями могли бы обменяться эти страны – послами или только уполномоченными». Назывались и иные «грехи» интервьюируемого. Игнорировать подобный документ было невозможно, и министр принял соломоново решение: воздержавшись от выражения собственного мнения, он оставил на документе резолюцию «Разослать членам Политбюро ЦК КПСС. 26.1». Рассылка была действительно произведена, но, судя по всему, никаких мер к «провинившемуся» учёному (который по существу повторил содержание первоначального проекта договора ГДР – ФРГ,

²⁶ К вопросу отношений между ГДР и ФРГ и нашей возможной линии в этой связи. 31 июля 1970 г.// АВП РФ. Ф. 0743. Оп. 13. П. 96. Д. 22. Лл. 1–12.

представленного на рассмотрение ОВД в декабре 1969 г.) принято не было. Во всяком случае, резолюция Фалина, появившаяся на документе днём позже, носила весьма нейтральный и формальный характер: «Просьба усилить внимание к публикациям советских авторов по германской тематике, в том числе в советской прессе»²⁷. Данный пример интересен ещё и в том отношении, что показывает, как формировалось в недрах советского строя то, что мы ныне называем «гражданским обществом» – пока ещё в рамках претендующего на самостоятельность научно-экспертного кластера.

В качестве резюме можно отметить следующие моменты: и в Советском Союзе, и в ФРГ имелись как силы, выступавшие за нормализацию отношений и продвижение дела европейской разрядки, так и силы, противостоявшие этим установкам. В целом развитие шло в направлении поисков и выработки взаимоприемлемых компромиссов. Осложняющим фактором в этом двустороннем взаимодействии были особые позиции союзников СССР по ОВД (и, очевидно, союзников ФРГ по НАТО²⁸). Одним из определяющих императивов для советской стороны было признание другой стороной сложившегося статус-кво и, в частности, нейтрализация центробежных тенденций в «социалистическом содружестве» в условиях, когда теряла свою убедительность пропаганда о «западногерманском реваншизме» (что показал опыт событий в ЧССР). Для ФРГ таким императивом было поддержание «открытым» германского вопроса в условиях укрепления международных позиций и статуса другого германского государства – ГДР. Обе стороны в значительной степени сумели реализовать свои цели, причём, как показала история, результаты, достигнутые западной стороной, оказались в конечном счёте более значимыми и весомыми. Тот факт, что решение германского вопроса в виде объединения Германии по западной модели в 1989–1990 гг. произошло мирным и сравнительно безболезненным путём – это в том числе и заслуга тех лидеров СССР и ФРГ, которые сделали возможными заключение «восточных договоров» начала 70-х гг.

Список литературы

1. Алексеев Р.Ф. СССР и ФРГ: прошлое и настоящее. Советско-западногерманские отношения 1955– 1080. М.: Политиздат, 1980. 280 с.
2. Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 624 с.
3. Загорский А.В. Хельсинкский процесс. Переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М.: Права человека, 2005. 447 с.
4. Кашлев Ю.Б. Общеввропейский процесс: вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 1990. 181 с.
5. Кашлев Ю.Б. Хельсинкский процесс 1975–2005. Свет и тени глазами участника. М.: Известия, 2005. 392 с.
6. Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М.: Олма-Пресс, 1999. 574 с.
7. Кеворков В. Тайный канал. М.: Гея, 1997. 318 с.

²⁷ Посольство СССР в ГДР – А.А. Громыко, В.М. Фалину. Телеграмма по ВЧ № 40. 21 января 1970 г.// АВП РФ. Ф.0742. Оп. 15. П. 95. Д. 13. Лл. 27–28.

²⁸ Автор ранее предпринял попытку исследовать один из аспектов этой проблемы [18].

8. Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986. 220 p.
9. Максимычев И.Ф. Россия-Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014. 512 с.
10. Милюкова В.И. Отношения СССР-ФРГ и проблемы европейской безопасности. М.: Наука, 1983. 302 с.
11. Новик Ф.И. СССР-ФРГ: проблемы сосуществования и сотрудничества, 1975-1986. М.: Наука, 1987. 244 с.
12. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники – СиДиПресс, 2005. 605 с.
13. Рахманин Ю.Н. Проблема европейской безопасности: исторический опыт ее решения. М.: Мысль, 1977. 349 с.
14. Рахманин Ю.Н. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе // Европа XX века: проблемы мира и безопасности / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Международные отношения, 1985. С. 167-181.
15. Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976: сб. документов. Т. 1. 1969 – май 1972. Кн. 1. 1969–1971. М.: Международные отношения, 2007. 726 с.
16. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. 456 с.
17. Филитов А.М. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 98–113.
18. Филитов А.М. СССР, ФРГ и чехословацкий кризис // 1968 год. «Пражская весна» Историческая ретроспектива: сб. ст. / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 204–227.
19. Филитов А.М. Треугольник Москва–Берлин–Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83–96.
20. Allardt H. Moskauer Tagebuch. Düsseldorf, Suhrkamp Publishers, 1980. 222 p.
21. Bahr E. Zu meiner Zeit. München, Süddeutscher Verlag, 1983. 48 p.
22. Bender P. Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1986. 289 p.
23. Hanhimaki J.M. Détente in Europe / ed. by Leffler M.P., Westad O.A. The Cambridge History of the Cold War. Vol. 2. London, Cambridge University Press, 2010. Pp. 198-250.
24. Jarzāmbek, W. . “Ulbricht-Doktrin” oder “Gomulka-Doktrin”? Das Bemühen der Volksrepublik Polen um eine geschlossene Politik des kommunistischen Blocks gegenüber der westdeutsche Ostpolitik 1966/67 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2006. H. 1. S. 79–115.
25. Link W. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2001. 2. Heft. S. 295-315.
26. Loth W. Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kaltem Krieg. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2016. 375 S.
27. Mōkli D. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity. London, I.B.Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.
28. Niedhardt G. Transformation through Commucation and the Quest for Peaceful Change // Journal of Cold War Studies. Vol. 18. No. 3. 2016. Pp. 27–28.
29. Niedhart G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München, De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S.
30. Origin of European Security System: The Helsinki Process Revisited, 1969-1975 / ed. by Wenger A., Mastny V., Nuenlist Ch. London, Routledge, 2008. 276 p.
31. Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War 1965-1985 / ed. by Villaum P., Westad O.A. Copenhagen, 2010. 272 p.
32. Sarotte M.E. Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpolitik, 1969-1973. New York, The University of North Carolina Press, 2001. 320 p.
33. Sodaro M.J. Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev. Itaca, NJ, Cornell University Press, 1990. 456 p.
34. The Making of Détente: Eastern and Western Europe in the Cold War. 1965-75. Ed. by Loth W., Soutou G.-H. London, Routledge, 2008. 272 p.
35. Thomas D.C. The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights and the Demise of Communism. Princeton, 2001. 320 p.

Об авторе:

Филитов Алексей Митрофанович – д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета. 119334 Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а.

THE USSR AND FRG'S "NEW OST-POLITIK"

A.M. Filitov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140

Institute of World History, Russian Academy of Science

The article explores the changes in the mutual perceptions between the FRG and the USSR from mid-60s through early 70s of the 20th century, which became a precondition for the détente in their relationship. It is based largely on the analysis of the documents stored in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation and recently released for the researchers. The author highlights the initiatives by Willy Brandt as a Foreign Minister in 1966–1969 and subsequently as a Federal Chancellor in breaking the deadlock in Bonn's foreign policy created by his predecessors. It is emphasized that those initiatives found the positive response from the Soviet side. A reversal movement towards a regime of confrontation took place under conditions of the Czechoslovak crisis of 1968 ("Prague spring"), but its impact was rather short-lived. With the government of Social-Liberal coalition coming to power in October 1969, the Federal Republic's course to the détente took the firmer contours (joining the Non-Proliferation Treaty, positive attitude to the All-European Conference, beginning the negotiations with the USSR), and the process of the normalization between West and East in the Central Europe accelerated. The complicating factor was the dogmatic positions taken by some leaders of "socialist community" countries (in Poland and GDR in particular) as well as by some representatives of the Soviet diplomatic corps. Critically scrutinized in this context are the attempts to promote the course towards the "fencing-off" in the German-German relations as dictated by the theory of "two German nations". The examples of confronting those mindsets are cited – in particular, from the exponents of the nascent civil society in the USSR (the case of the "Spiegel" interview by the Soviet expert on Germany D.E. Melnikov in the first month of 1970). The positions of the détente supporters both in the USSR and in the FRG turned out to be strong enough for a conclusion of the Moscow Treaty on August 12, 1970, – a hall-mark of Soviet-West German rapprochement. The historical experience of overcoming the "enemy image" in the relationship between the Soviet Union and the FRG has a great practical value for the solution of the present-day international conflicts.

Key words: New Eastern Policy, All-European Conference, Warsaw Treaty, Non-Use of Force Talks, "Ulbricht (or Gomulka) Doctrine".

References

1. Alekseev R.F. *SSSR i FRG: proshloe i nastoiashchee. Sovetsko-zapadnoger-manskie otnosheniia 1955-1080* [USSR and the FRG: past and present. Soviet-West German relations 1955-1080]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 280 p. (In Russian).
2. Grinevskii O.A. *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu* [Fracture. From Brezhnev to Gorbachev]. Moscow, OLMA-PRESS

- Publ., 2004. 624 p. (In Russian).
3. Zagorskii A.V. *Khel'sinskii protsess. Peregovory v ramkakh Soveshchaniia po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope* [The Helsinki process. Negotiations within the framework of the Conference on Security and Cooperation in Europe]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2005. 447 p. (In Russian).
 4. Kashlev Iu.B. *Obshcheevropeiskii protsess: vchera, segodnia, zavtra* [The pan-European process: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1990. 181 p. (In Russian).
 5. Kashlev Iu.B. *Khel'sinskii protsess 1975-2005. Svet i teni glazami uchastnika* [The Helsinki process in 1975-2005. Light and shadows through the eyes of the participant]. Moscow, Izvestiia Publ., 2005. 392 p.
 6. Kvitsinskii Iu.A. *Vremia i sluchai. Zametki professional* [Time and chance. Notes of a professional]. Moscow, Olma-Press Publ., 1999. 574 p. (In Russian).
 7. Kevorkov V. *Tainyi kanal* [Secret channel]. Moscow, Geia Publ., 1997. 318 p. (In Russian).
 8. Kremer I.S. *FRG: etapy «vostochnoi politiki»* [The FRG: the stages of the “Eastern policy”]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1986. 220 p. (In Russian).
 9. Maksimychev I.F. *Rossiiia-Germaniia. Voina i mir. Ot mirovykh voin k evropeiskoi bezopasnosti* [Russia-Germany. War and Peace. From world wars to European security]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2014. 512 p. (In Russian).
 10. Miliukova V.I. *Otnosheniia SSSR-FRG i problemy evropeiskoi bezopasnosti* [Relations between the USSR and Germany and the problems of European security]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 302 p. (In Russian).
 11. Novik F.I. *SSSR-FRG: problemy soshestvovaniia i sotrudnichestva, 1975-1986* [USSR-Germany: problems of co-existence and cooperation, 1975-1986]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 244 p. (In Russian).
 12. Pavlov N.V., Novikov A.A. *Vneshniaia politika FRG ot Adenauera do Shredera* [Foreign policy of Germany from Adenauer to Schroeder]. Moscow, Moskovskie uchebniki – SiDiPress Publ., 2005. 605 p. (In Russian).
 13. Rakhmanin Iu.N. *Problema evropeiskoi bezopasnosti: istoricheskii opyt ee resheniia* [The problem of European security: the historical experience of its solution]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 349 p. (In Russian).
 14. Rakhmanin Iu.N. *Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope* [Conference on Security and Cooperation in Europe]. *Evropa KhKh veka: problemy mira i bezopasnosti* [Europe of the Twentieth Century: Problems of Peace and Security] / Ed. by A.O. Chubar'ian. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1985. Pp. 167-181. (In Russian).
 15. *Sovetsko-amerikanskii otnosheniia. Gody razriadki 1969-1976* [Soviet-American relations. The years of detente 1969-1976]. Vol. 1. 1969 –1972. Book. 1. 1969-1971. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2007. 726 p. (In Russian).
 16. Falin V.M. *Bez skidok na obstoiatel'stva. Politicheskie vospominaniia* [Without discounts on circumstances. Political memories]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 1999. 456 p. (In Russian).
 17. Filitov A.M. *Treugol'nik Moskva – Vashington – Bonn v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. KhKh veka* [Triangle Moscow – Washington – Bonn in the late 60's – early 70's. XX century]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 12, pp. 98–113. (In Russian).
 18. Filitov A.M. *SSSR, FRG i chekhoslovatskii krizis* [USSR, Germany and the Czechoslovak Crisis]. *1968 god. «Prazhskaia vesna» Istoricheskaiia retrospektiva* [1968. “Prague Spring” Historical retrospective]. Ed. by T.V. Volokitina, G.P. Murashko, A.S. Stykalina. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2010. Pp. 204–227. (In Russian).
 19. Filitov A.M. *Treugol'nik Moskva–Berlin–Bonn i politika evropeiskoi razriadki v 1969–1970 gg* [Triangle Moscow – Berlin – Bonn and the policy of European detente in 1969-1970]. *Voprosy istorii*, 2017, no. 1, pp. 83–96. (In Russian).
 20. Allardt H. *Moskauer Tagebuch*. Düsseldorf, Suhrkamp Publishers, 1980. 222 p. (In German).

21. Bahr E. *Zu meiner Zeit*. München, Süddeutscher Verlag, 1983. 48 p. (In German).
22. Bender P. *Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag*. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1986. 289 p. (In German)
23. Hanhimaki J.M. *Détente in Europe. The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 2. London, Cambridge University Press, 2010. Pp. 198-250.
24. Jarząbek W. "Ulbricht-Doktrin" oder "Gomulka-Doktrin"? Das Bemühen der Volksrepublik Polen um eine geschlossene Politik des kommunistischen Blocks gegenüber der westdeutsche Ostpolitik 1966/67. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2006. H. 1. S. 79–115. (In German).
25. Link W. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 2001, 2. Heft, S. 295-315. (In German).
26. Loth W. *Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kaltem Krieg*. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2016. 375 S. (In German).
27. Mókli D. *European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity*. London, I.B.Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.
28. Niedhardt G. Transformation through Commucation and the Quest for Peaceful Change. *Journal of Cold War Studies*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 27–28.
29. Niedhart G. *Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975*. München, De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S. (In German).
30. *Origin of European Security System: The Helsinki Process Revisited, 1969-1975*. Ed. by Wenger A., Mastny V., Nuenlist Ch. London, Routledge Publ., 2008. 276 p.
31. *Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War 1965-1985*. Ed. by Villaum P., Westad O.A. Copenhagen, 2010. 272 p.
32. Sarotte M.E. *Dealing with the Devil: East Germany, Détente and Ostpoitik, 1969-1973*. New York, The University of North Carolina Press, 2001. 320 p.
33. Sodaro M.J. *Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev* [Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev]. Itaca, NJ, Cornell University Press, 1990. 456 p.
34. *The Making of Détente: Eastern and Western Europe in the Cold War. 1965-75*. Ed. by Loth W., Soutou G.-H. London, Routledge Publ., 2008. 272 p.
35. Thomas D.C. *The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights and the Demise of Communism* [The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights and the Demise of Communism]. Princeton Publ., 2001. 320 p.

About the author:

Alexey M. Filitov – Doctor of History, Chief Research Associate, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor in Russian State University for Humanities (RGGU), 119334, Moscow, Russia, Leninski Prospekt 32 a.